

Евгений Деменок

Не нужно бояться мечтать

Памяти Иржи Ганзелки и Мирослава Зикмунда

1 декабря прошлого года практически все чешские газеты и журналы опубликовали печальную новость. Умер один из тринадцати самых старших жителей Чехии. До ста трех лет он не дожил всего два с половиной месяца.

Имя его было известно не только в Чехии, но и во всем мире.

Это был знаменитый путешественник Мирослав Зикмунд.

Его друг, единомышленник, соавтор Иржи Ганзелка умер восемнадцатью годами раньше, в 2003-м.

На этом закончилась одна легенда – и началась другая.

*

Мало того, что Чехословакия была первой «заграницей», куда я чудом попал в застойном 1980 году, но и о большом мире, экзотических странах, удивительных народах я впервые узнал именно из книг Ганзелки и Зикмунда, восемь томов которых рядком стояли во внушительной, в несколько тысяч томов, библиотеке дедушки Соломона. Не заметить их было невозможно, их яркие суперобложки сильно выделялись на фоне классических собраний сочинений советского образца – разве что Вальтер Скотт и Детская энциклопедия могли с ними конкурировать. Но в книгах Вальтера Скотта не было фотографий, а у Зикмунда и Ганзелки они носили не вспомогательную, а такую же основную функцию, как собственно тексты. Фотографии эти запомнились моментально и навсегда – и кормящая ребенка грудью чернокожая женщина, и раскрашивающий лицо индеец из племени шуар, и пожилая аргентинка с сигарой, и улыбающийся

Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд

курд в непонятном головном уборе. Именно благодаря Ганзелке с Зикмундом я узнал о сорокаmillionном народе, у которого нет своей страны.

Их с Иржи Ганзелкой книги читали, наверное, все, кто мечтал и мечтает о путешествиях. Это неудивительно – два неразлучных друга проехали около ста стран (проживший на восемнадцать лет дольше Зикмунд побывал в ста двенадцати странах), записали больше двух тысяч репортажей, сняли четыре полнометражных и сто сорок семь короткометражных документальных фильмов, написали сотни очерков и статей и более двадцати книг, переведенных на девятнадцать языков. Общий тираж их сочинений огромен – я встречал упоминания и о шести с половиной, и о девяти миллионах экземпляров.

Чехия – страна долго живущих традиций. Страна основательная. Если чехи что-то начинают, то продолжают упорно, невзирая на политические и экономические перемены.

Взять, например, туристическое агентство *Čedok*. Основанное в 1920 году, оно пережило смену множества властей, не один общественный строй, и успешно работает до сих пор.

Или Клуб чешских туристов. Он был основан еще в июне 1888 года – и тоже прекрасно себя чувствует.

За эти годы Чехия дала миру множество знаменитых путешественников. Например, одним из основателей Клуба чешских туристов и первым его председателем был легендарный Войтех Напрстек, собравший в своих странствиях такую значительную коллекцию, что для ее хранения и показа пришлось создать музей. Ботаник и путешественник Бенедикт Рецль, почетный член Гаванской академии наук, памятник которому стоит на Карловой площади, был известен тем, что переслал из Америки в Европу десятки тысяч орхидей и был архитектором-озеленителем Мехико. На похороны его приехал сам Франц Иосиф I. Полярный исследователь Вацлав Войтех был первым чехом, награжденным высшей американской гражданской наградой – Золотой медалью Конгресса США.

Чешского востоковеда, писателя и первооткрывателя Алоиса Мусила (родственника великого писателя Роберта Музиля) за выдающиеся открытия и исследования арабских стран назы-

Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд у египетских пирамид

вали Лоуренсом Моравским (в честь Томаса Лоуренса). Павел Павел открыл способ, которым туземцы острова Пасхи перемещали свои мегалитические статуи моаи, и доказал свою правоту во время поездки на остров в составе экспедиции Тура Хейердала.

Одним из знаменитейших исследователей Африки был врач и этнограф Эмиль Голуб, проделавший большую часть путешествий со своей женой Руженой (в 1957 году Зикмунд с Ганзелкой специально приехали к ней в Вену). На родине Голуба, в Голице, ему установлен памятник и создан музей Африки. Именно Голуб заразил Зикмунда с Ганзелкой страстью к путешествиям.

«Его мужество было невероятным. Он просто отправился в Южную Африку, которую хотел пройти с юга на север. В итоге у него это не получилось из-за беспорядков туземцев», – сказал как-то Зикмунд в интервью Чешскому радио. «Мы восхищались тем, что он привез из Африки в то время. Он привез в 34 железнодорожных вагонах экспонаты, которых здесь раньше никто не видел».

Если бы Голуб знал об их маршрутах и достижениях, о том, что впервые в мире Ганзелка и Зикмунд пересекли на автомобиле Нубийскую пустыню, руководствуясь лишь компасом, что стали первыми чехами, поднявшимися на Килиманджаро, уверен, он восхищался бы не меньше.

В чем же секрет их успеха? Ведь Ганзелка и Зикмунд отнюдь не были первыми чехами, объехавшими весь (почти) земной шар на автомобиле. Еще в 1936 году Братислав Ян Прохазка и Йиндржих Кубиас совершили полное кругосветное путешествие на автомобиле *Škoda Rapid* за рекордных девяносто семь дней, в среднем проезжая по шестьсот тридцать километров в день! Они намотали пятьдесят две тысячи километров.

В том же году Франтишек Александр Эльстнер и его жена Ева проехали двадцать пять тысяч километров по территории США, Мексики и Испании за рулем *Škoda Popular*, а Станислав Шкулина и его супруга Мария на своем *Škoda Rapid* отправились в двухлетнее путешествие по Африке, маршрут которого стартовал в Дакаре и пролегал в Йоханнесбург и к мысу Доброй Надежды. Так что к моменту поездки Ганзелки и Зикмунда марку «Шкода» уже хорошо знали и в Африке, и в Латинской Америке, и им было гораздо

легче заключать торговые сделки – не нужно забывать о том, что они уезжали именно как представители чешской промышленности, а сами были торговыми инженерами.

И все же среди всех чешских путешественников именно Иржи Ганзелка с Мирославом Зикмундом были, пожалуй, самыми известными и самыми любимыми. Мне кажется, тому было несколько причин.

Во-первых, они, как сегодняшние трэвел-блогеры, путешествовали практически онлайн (по меркам того времени), выдавая на-гора радиорепортажи и публикации каждую неделю.

Во-вторых, были невероятно обаятельны. Собственно, без их удивительного обаяния из их затей объехать весь свет ничего бы не вышло («...если есть неприкосновенный дар под названием харизма, то у Зигмунда его бездонный запас. Он может читать на экране телефонную книгу, и это все равно будет привлекать внимание», – писали журналисты в рецензии на фильм Петре Горкого «Столетие Мирослава Зикмунда»). Только представьте себе удивление генерального директора завода *Tatra* Ружички, когда к нему пришли два молодых человека и попросили предоставить им машину для того, чтобы объехать на ней земной шар, – и это меньше чем через два года после войны! И что же? Директор не смог отказать и нисколько не пожалел об этом.

«Показали свои бумаги с подробнейшим планом путешествия. Это были данные о разных странах, географические карты – всего где-то 500 страниц текста и рисунков. И попросили: «Дайте нам машину, а мы разрекламируем «Татру» по всему миру». – «Такие, как вы, – сказал он, – приходят почти каждый день и говорят: «Дайте бесплатно машину», – но, похоже, вы не аферисты и по-настоящему готовились». Так мы получили транспорт и поддержку в наших путешествиях», – вспоминал Мирослав Зикмунд.

Но, разумеется, на одном обаянии далеко не уедешь. Однако у наших героев было вдоволь других достоинств. Основательность, работоспособность, смелость, организованность... Достаточно вспомнить, что знавший шесть языков Зикмунд мечтал в детстве стать судебным стенографом... Кто-нибудь из нас мечтал о таком? Все это пригодилось, причем с лихвой. Мирослав Зикмунд вел дневники, в которых писал стенографическим шриф-

том, не только во время путешествий, но до конца своих дней (в одном из интервью он пошутил, что просто боялся того, что дневники прочтет жена). Но ладно стенография. В своих путешествиях Зикмунд и Ганзелка сделали более сотни тысяч фотографий, и каждую нужно было подписать, зарегистрировать, прикрепить к отчету. Колоссальная, требующая педантичности работа. Так что педантичность может вполне сочетаться с романтикой дальних странствий.

Чем больше я о них читаю, чем больше смотрю их фильмов и фильмов о них, тем больше ими восхищаюсь. Они знали свои автомобили до последнего болта, были отличными предпринимателями, умели снимать и монтировать фильмы, проявлять фотографии, каждую неделю записывали радиорепортажи и писали заметки об увиденном, вели подробный дневник и подробную бухгалтерию, владели множеством языков и были в прекрасной физической форме.

«Жизнь – это точная сумма совпадений», – любил повторять Мирослав Зикмунд. Странная фраза, если не знать, сколько совпадений и удивительных событий случилось в его жизни. Главное произошло в 1938-м, когда двадцатидвухлетний Зикмунд встретил на ступенях Торговой академии Иржи Ганзелку. Познакомились. Разговорились. Оказалось, что оба мечтают о дальних странствиях, о том, чтобы объехать мир. И всю войну – нацисты запретили чехам получать высшее образование – они тщательно готовились к поездке. Составляли планы, учили языки. Академию окончили в 1946-м, а уже 22 апреля 1947-го уехали в свое первое трехлетнее путешествие.

Свою дружбу они пронесут через всю жизнь. Все свои книги, репортажи, фильмы они делали вместе, подписывали двумя фамилиями, гонорары делили пополам.

«По дороге мне вспоминается разговор в их «Татре» в сибирской тайге в 1964 году.

– Иржи, – спрашивал я, – что тебе больше всего нравится в Миреке? Без какой черты нельзя его себе представить?

– Великая систематичность. Он увлеченно работает, забыв обо всем. А после работы может обо всем забыть, стать душой общества, развлекать друзей. Я так не могу.

Подсаживаюсь к Миреку:

– Что тебе нравится в Иржи больше всего?

– Его открытость. Очень сходится с людьми и совершенно доверчив. Даже там, где не следовало бы или где его все равно не понимают», – писал легендарный журналист Леонид Шинкарев, знавший обоих более сорока лет.

А вообще – почему человек путешествует? Почему мечтает о дальних странствиях? Почему бросить все и уехать куда-то далеко и надолго стало идеалом для миллионов?

Мечтают всегда о чем-то очень хорошем. А еще – незнакомом, недоступном и загадочном. Ведь о том, что хорошо знаешь, уже не мечтаешь – этого просто хочешь.

Путешествие воспринимается как шаг к собственной свободе, как праздник, способ вырваться из рутины будней. А еще как одна из форм интеллектуального развития – опыт соприкосновения с другими культурами и обычаями, языками, в конце концов, кухней, не заменить ничем.

Наверное, еще одним секретом успеха Ганзелки и Зикмунда является то, что они ехали не ставить рекорды, а открывать для себя и для всех тех, кто следил за их репортажами, прекрасный, незнакомый и удивительный мир. Что в тяжелые послевоенные годы они принесли в наш мир свежий ветер романтики и дальних странствий, необычайных приключений и даже чудес. Ну разве это не чудо – встретить рассвет на вершине пирамиды Хеопса? Благодаря их репортажам и книгам мир раскрылся перед сотнями тысяч, а может быть, миллионами читателей и слушателей совершенно с другой стороны. Жажда первооткрывательства всегда была присуща человеку, и Зикмунд с Ганзелкой сделали всех нас причастными к этому таинству (недаром Зикмунд в одном из интервью сказал, что сегодня, в эпоху Интернета, путешествовать гораздо скучнее – все уже исследовано, сфотографировано и доступно).

Когда 22 апреля 1947-го Мирослав Зикмунд и Иржи Ганзелка уезжали на легендарной *Tatra-87*, находящейся теперь в Национальном техническом музее, в свое первое путешествие из Праги, с улицы Оплеталовой, они были никому не известными молодыми людьми; вернулись же спустя три года национальными

Зикмунд и Ганзелка

героями, которых чуть ли не несли на руках. Первое их путешествие, продлившееся три с половиной года, пролегло на юг и запад, через Африку и Южную и Центральную Америку к границе с США, куда их не пустили – просто не дали визу. Зикмунд вспоминал: «Мы начали это путешествие спустя два года после окончания войны. Все международные отношения были на тот момент разрушены, и мы, молодежь, надеялись их как-то восстановить и нормализовать».

Им повезло дважды. Во-первых, они успели выехать до прихода коммунистов к власти, во-вторых, *Tatra-87* оказалась невероятно удобной для такого путешествия. У нее была воздушная система охлаждения, отлично зарекомендовавшая себя в пустыне, а дорожный просвет составлял 230 миллиметров – не каждый внедорожник сейчас может таким похвастаться. И все равно поездка через Африку была экстремальной. После Нубийской пустыни они преодолевали горные перевалы в Эфиопии, вязли в кенийских болотах, стали свидетелями рождения нового вулкана на берегах озера Киву. Через 431 день после старта в Праге

они добрались до Кейптауна, погрузили свою «Татру» на корабль и отправились через океан в Южную Америку. Там первым делом засели за написание книги об Африке. Из Аргентины заехали в Бразилию, а затем, вернувшись, поехали через Парагвай, Боливию, Перу и Эквадор, преодолевая высоты более 4000 метров в Кордильерах. Далее через Панаму, Сальвадор и Гватемалу добрались до Мексики. Ехать дальше не получалось – не только из-за визы, но и потому, что Иржи Ганзелка сломал левую руку.

И началось долгое возвращение в Европу на французском пароходе, доверху заполненном тюками с хлопком.

Первое путешествие обошлось в двадцать тысяч долларов, а заработать для Чехословакии они смогли три миллиона двести тысяч (напоминаю – торговые инженеры). За 1290 дней пути Ганзелка и Зикмунд проехали 111 тысяч километров и сорок с небольшим стран, двенадцать раз пересекли экватор, сделали больше десяти тысяч фотографий и отсняли одиннадцать километров пленки. Записали семьсот радио- и триста газетных репортажей. Они писали для еженедельной газеты завода «Татра», журналов «Svět práce», «Svět v obrazech», «Zlepšovatel», «Kinoamatér» и «Тер». Для последнего в ноябре 1949-го они прислали репортаж из Лимы; он назывался «На шинах Gottwald по всему миру».

Да, к тому времени все на родине изменилось, и Злин стал Готвальдовым. Зикмунд и Ганзелка напряженно размышляли о том, стоит ли возвращаться. Но в конце концов решили, что дома смогут добиться большего, да и неприятностей своим семьям причинять не хотели.

С этого начался их вынужденный «роман» с коммунистическими властями, окончившийся громким «разводом» в 1968-м.

Но до этого они совершили еще одну, почти в два раза более продолжительную поездку. Маршрут второго путешествия, начавшегося 22 апреля (та же дата!) 1959 года, пролег на восток – через Турцию, Ливан, Ирак, Иорданию, Кувейт, Бахрейн, Катар, Оман, Иран, Пакистан, Индию, Шри-Ланку, Индонезию и Корею в Японию. На этот раз Ганзелка и Зикмунд путешествовали уже на двух небольших вездеходах *Tatra-805*, и не вдвоем, а вчетвером, с врачом Робертом Витом и автомехаником Ольдржихом Халупой. Их позднее сменили Мирослав Дриак и Йозеф Корыта.

Машины на заводе «Татра» изготовили специально для них – у Зикмунда была серебристо-красная, с зеленой кожаной обивкой, у Ганзелки – серебристо-голубая с бежевой обивкой. В этот раз их провожали тысячи людей. «Это было просто фантастически. В отличие от первого путешествия, когда в 1947 году к Автоклубу пришла лишь горстка ближайших друзей, представитель «Татры» и членов Автоклуба, пятьдесят лет назад на том же месте собрались тысячи человек. Играла музыка, пришел мэтр... Я помню, как стражи порядка нас нетерпеливо поторавливали: «Мужики, уже поезжайте, не задерживайтесь. Вы перекрыли все движение на Оплеталовой улице». Это было очень эмоционально», – вспоминал Мирослав Зикмунд.

И тем не менее путешествие началось с трудностей. Новые автомобили были «сырыми», не готовыми к таким испытаниям и перегрузкам. Приводить их в порядок приходилось постоянно.

Впечатления от поездки по Турции, Сирии, Иордании легли в основу книги «Перевернутый полумесяц». Она стала последней книгой Ганзелки и Зикмунда, переведенной на русский язык... Да и в самой Чехословакии до наступления периода запретов и забвения они успели издать лишь две книги: «Тысяча и две ночи» (1967) и «Континент под Гималаями» (1969). Книгу о Цейлоне, на котором они встретили Юрия Гагарина, придется издавать самим – в количестве одиннадцати напечатанных на машинке экземпляров (полноценно она выйдет из печати уже в 1990 году).

Об этой встрече много лет спустя рассказал Мирослав Зикмунд: «Мы познакомились с ним совершенно случайно. Это был первый выезд Юрия Гагарина в капиталистическую страну, если так можно назвать Цейлон в то время. До этого космонавт номер один побывал лишь в Чехословакии. А мы с Иржи как раз совершали свое азиатское путешествие и знакомимся с островом.

Люди, принимавшие Гагарина, сообщили ему, что тут недалеко Зикмунд и Ганзелка, и Юрий приехал к нам. У нас было пиво в машине, мы угостили его, разговорились... Гагарин сказал, что читал все наши книги и очень нам завидует, поскольку мы можем свободно путешествовать по всему миру, видеть разные страны, общаться с аборигенами, а у него такой возможности нет».

Никто из них не подозревал, что такая возможность исчезнет через несколько лет и для самих Ганзелки и Зикмунда.

Из Японии они возвращались домой через Советский Союз, встречаемые восторженными толпами и плотно опекаемые КГБ.

«Позже мы узнали, что означает слово «показуха». Когда потом, через десять лет, мы проехали Советский Союз с востока на запад, мы как могли защищались от этого стиля. И здесь я не могу не рассказать вот что. Мы приближались к советским берегам на большом теплоходе «Орджоникидзе», шедшем из Йокогамы до Находки, потому что Владивосток был закрытый порт. По мере приближения к пристани на теплоходе началось какое-то волнение, и мы решили, что, наверное, с нами плывет какой-нибудь японский министр или какая-нибудь шишка. На моле стояли тысячи людей с цветами, с фотоаппаратами, кинокамер было штук двадцать. И все они ждали Ганзелку и Зикмунда. И тогда мы поняли, что наше пространство будет ограничено, и что показуха, которую мы знали с 54-го года, будет продолжаться», – вспоминал Мирослав Зикмунд. А еще вспоминал о том, что из ста стран, которые они к тому времени посетили, лишь в Сирии их МВД приставило к ним сопровождающих.

И все же поездка получилась замечательной – в первую очередь потому, что они познакомились со множеством прекрасных людей, для многих из которых наши путешественники были первыми и последними встреченными в жизни иностранцами.

Книга о поездке по Советскому Союзу, разумеется, так и не появилась на свет. Вернее, появилась, но в виде засекреченного «Отчета номер 4». Президент Чехословацкой академии наук, под патронатом которой они поехали во второе путешествие, подружески посоветовал им быть немного сдержаннее в оценках увиденного в СССР и не предавать это широкой огласке. А так как перед этим они уже написали три отчета – об Индонезии, Западном Иране и Японии, то «советский» отчет стал четвертым. И хотя Зикмунд с Ганзелкой неоднократно упоминали в нем имя Ленина и вообще всячески декларировали то, что являются друзьями советской власти, отчет получился вопиюще смелым. «...высказать тогда критические замечания о Советском Союзе – это было как положить голову на плаху», – рассказывал много лет спустя Зик-

Мирослав Зикмунд ежедневно делал записи в дневник

мунд. И все это притом, что прочесть отчет захотел сам недавно пришедший к власти Брежнев, пообещавший, что все останется между ними. Это неудивительно – они прямо писали о «фактической схожести» советского режима «с другими диктатурами». Или вот еще фраза: «Во-первых, оказалась стертой грань между правдой и ложью. Во-вторых, в отношениях между людьми массовый террор привел к лицемерию и притворству. В сфере социальной и культурной – к стагнации науки и искусства, введению жесткой административной системы и монополии на информацию». Одна

из фраз этого отчета запоминается моментально: «Таинственная русская душа – это бессмыслица. На самом деле русская душа до дна прозрачна, но на ней – страшные вековые шрамы».

А ведь «дружба» знаменитых путешественников с советскими властями начиналась замечательно. В СССР побывали четыре раза – в 1954-м, 1958-м, 1962-м и (с перерывом на зиму) с сентября 1963 по ноябрь 1964 года. В октябре 1964-го встретились в Москве с Брежневым, который прямо сказал о том, что знает обо всех их разговорах, и попросил прислать ему тот самый отчет. В 1966-м они встретились с Брежневым уже в Праге – тот приехал принять участие в XIII съезде КПЧ.

Мирослав Зикмунд вспоминал: «Меня пригласили в ЦК, где я передал наш 180-страничный секретный «Специальный отчет № 4» лично Леониду Ильичу. Мы думали, что наши наблюдения дадут властям в Москве и Праге материал для раздумий и действий, но вникать в них Брежнев не захотел. Он передал отчет подчиненным, а те оценили его как антисоветчину – самый большой грех в те времена. Действительно, из документа следовало, что социализм как политическая и экономическая система бездарен и бесперспективен. Но высказать тогда критические замечания о Советском Союзе – это значило подписать себе приговор. До нас дошли слова Брежнева: мол, «Зикмунда и Ганзелку нужно проучить голодом»... С тех пор доступ в СССР нам закрыли, хотя мы собирались приехать еще минимум один раз, а потом написать большую книгу о Советском Союзе».

Как оказалось, читать Брежнев не любил. И передал отчет «вниз». Подготовить заключение о рукописи Ганзелки и Зикмунда поручили двум отделам ЦК КПСС – отделу пропаганды и отделу по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. В июле 1968-го заключение было готово. Вот фрагмент из него: «Особый отчет № 4, написанный Ганзелкой и Зикмундом в декабре 1964 – марте 1965 г. и направленный в ЦК КПЧ, а также в адрес тов. Л.И. Брежнева в порядке информации, посвящен целиком внутреннему положению СССР и содержит впечатления от их неоднократных поездок по Советскому Союзу... Судя по его содержанию, изложенному на 173 страницах, Ганзелка и Зикмунд явно претендуют на роль

беспристрастных исследователей всего периода развития советского государства, его политики и различных сторон современной жизни советского народа. Весь отчет составлен в остро критическом духе, выдержан в поучающих назидательных тонах. В ряде мест он носит открыто недружественный и клеветнический характер по отношению к нашему строю и советским людям. Об этом, в частности, свидетельствует рассуждение авторов о «навыках сталинского периода, которые весьма упорно продолжают существовать».

И отношение советских властей к ним немедленно изменилось. Но в это время в самой Чехословакии начались перемены. Зикмунд с Ганзелкой решительно поддержали «Пражскую весну», подписали знаменитый манифест Людвиг Мацулика «Две тысячи слов, обращенных к рабочим, крестьянам, служащим, ученым, работникам искусства и всем прочим». Собственно, именно «Отчет номер 4» дал старт нарастающей в кругах чешских интеллектуалов критике советской действительности.

Войска стран Варшавского договора вторглись в Чехословакию в ночь с 20 на 21 августа 1968 года. А с 25 по 29 августа в пражском районе Высочаны собрался внеочередной, 14-й съезд Коммунистической партии Чехословакии, проходивший в условиях строгой секретности. И Зикмунд, и Ганзелка, горячо поддерживавшие «Пражскую весну», были его делегатами. И на съезде вместе с другими делегатами категорически осудили советскую оккупацию. Их избрали в ЦК, а Иржи Ганзелку даже пытались выдвинуть кандидатом в президенты, но советские танки уже были в Праге... Решения съезда объявили недействительными, ЦК разогнали, а вскоре всех исключили из компартии.

В интервью Владимиру Тольцу Мирослав Зикмунд рассказал: «И когда в 68 году после советской оккупации Чехословакии я вернулся в Злин из Праги, я по-русски выступил в новой злинской студии, где в театре была новая прекрасная аппаратура. Это была десятиминутная речь, с которой я обратился к Брежневу, к Капице, к Евтушенко. Это была эмоциональная речь, где я требовал от Брежнева, чтобы он прекратил оккупацию, если хочет спасти свою репутацию, если не хочет вырыть себе могилу и не хочет унижать Чехословакию – то пусть лучше немедленно

покинет страну. Спустя несколько лет я узнал, что это мое выступление слышал Женя Евтушенко, он был тогда в отпуске на Кавказе и написал в ответ свое знаменитое стихотворение «Танки идут по Праге».

Танки идут по Праге
В закатной крови рассвета,
Танки идут по правде,
Которая не газета...

...Пусть надо мной без рыданий
Просто напишут, по правде:
Русский писатель. Раздавлен
Русскими танками в Праге.

После 68 года мы вместе с небольшой горсткой чехословацких писателей назвали во всеуслышание «братскую помощь» оккупацией. Тем самым мы подписали себе приговор на 20 лет. Нам было запрещено издавать книги, выступать по радио и телевидению, запрещено выезжать за границу – нас, путешественников, посадили в клетку, за ограду».

Хотели даже изъять из библиотек и уничтожить их книги, но ограничились тем, что вычеркнули их из каталогов. От них требовали покаяния, но о нем не могло быть и речи.

То недолгое время, когда Дубчек еще был у власти, было передышкой. Ганзелке выдали дипломатический паспорт и через две недели после ввода войск предложили выехать с семьей в Стокгольм в качестве экономического советника посольства. После многочисленных просьб ему разрешили вернуться. Зикмунду позволили вылететь на пять-шесть недель в Коломбо, дособрать материал для рукописи о Цейлоне. Но скоро «вольности» закончились. Начались многочисленные многочасовые допросы. Судьба каждого, его работа, будущее детей, благополучие семьи зависели от ответа на единственный вопрос: ввод советских войск – интервенция или братская помощь? «Неправильно» ответили около 500 тысяч коммунистов, интеллектуалов, интеллигентов. Ганзелка и Зикмунд были в их числе.

После долгого периода известности и славы наступило время оглушающей тишины. Ганзелку и Зикмунда не печатали, их исключили из Союза писателей Чехословакии и лишили любого заработка. Друзья подбрасывали им переводы, но публиковали их под чужими именами. За домом Ганзелки много лет пристально следила *StB*, Служба государственной безопасности. Лишь спустя годы, в 1983-м, он смог устроиться на работу садовником – подрезать деревья в Семинарском саду, что под Пражским Градом.

«Двадцать один год мы работали не покладая рук. И тоже ровно двадцать один год – и это в самом продуктивном возрасте, нам не было еще и 50-ти, – мы были негласно осуждены на небытие», – вспоминал Иржи Ганзелка, который одним из первых подписал «Хартию-77». «Мы надеялись, что эта отрезанность от мира не продлится, как Тридцатилетняя война. Так что мы занялись тем, что стали облекать в литературную форму последний этап наших путешествий. Мы работали над двумя томами книги «Цейлон – рай без ангелов», который издали в 1975 году. Вместо одиннадцатитысячных тиражей, которые у нас были раньше, «Цейлон» вышел в одиннадцати экземплярах – оригинал и десять копий, то, что можно было напечатать на машинке. Этим мы занимались первые годы. Поскольку у меня оставались какие-то финансовые сбережения, я пустился в путешествие по прошлому – занялся своей генеалогией, проводя много времени в архивах. Я добрался вглубь до эпохи после Белогорской битвы – самая древняя запись в метрической книге относится к 1629 году», – рассказывал Мирослав Зикмунд.

*

Я родился годом позже «Пражской весны». Политические вопросы в нашей семье практически не обсуждали, разве что прошедший войну дедушка, полковник артиллерии, коммунист, слушал на радиоле «Симфония» запрещенные «голоса». Поэтому в 1980-м, приехав в Чехословакию, даже не мог себе представить, что совсем неподалеку от деревни Менин, в которой жили друзья моей тети, Иван и Владимира, пригласившие нас к себе, находится Злин, где живет почти затворником Мирослав Зикмунд, что

их с Ганзелкой книг не найти в чешских магазинах, а самих их словно не существует. Притом, что книги их, казалось, были в каждой уважающей себя советской семье.

Недавно я нашел у себя письмо сорокалетней давности, написанное сыном тетиных друзей, Радеком. Мы были почти ровесниками – мне в 1980-м исполнилось одиннадцать, ему десять – и переписывались после нашего приезда еще несколько лет. Они писал мне по-чешски, я отвечал по-русски, и мы отлично друг друга понимали. Из той поездки я помню очень многое, потому что для пацана из СССР очень многое было шоком. Что запоминают дети? Игры с другими детьми (мы каждый день играли в футбол); то, как жарили на мангале во дворе кролика; кнедлики разных видов, мясные магазины со свисающими над прилавком колбасами (у нас в магазинах было шаром покати); обилие всяческих лимонадов и колы; павлинов в Аустерлице; сталактиты и сталагмиты в Моравском красе, Деменовские пещеры, Деменовскую долину и речку Деменовку (это был знак), минарет в Леднице, Музей словацкого восстания в Банска-Быстрице, сладкую горчицу и сосиски в Штрбске-Плесо... Общались мы так же, как потом переписывались, – мы говорили по-русски, нам отвечали частично по-русски, частично по-чешски. Ни разу мы не услышали в свой адрес ничего обидного – уже сейчас я понимаю, что это было удивительно. Лишь один раз, после очередного футбола, несколько ребят спросили меня, какой язык мы учим в школе. Я честно ответил – английский, на что они разочарованно сказали: «Но мы же учим русский, почему вы не учите чешский?».

Я не нашел что ответить.

А еще как-то раз папа попросил меня петь потише советские песни – в хорошем настроении я всегда пою, а других песен, естественно, тогда просто не знал.

Папа, конечно, все понимал.

*

Все проходит, прошел и период забвения. После «Бархатной революции» Ганзелка и Зикмунд вернулись на авансцену общественной жизни. Их книги вновь стали публиковать, их дело полу-

чило новое признание. В 1993 году они были удостоены Премии Эгона Эрвина Киша за дело всей своей жизни, а в 1999 году Вацлав Гавел наградил обоих медалью «За заслуги» II степени. Их именами даже назвали астероид.

В 1990 был опубликован «Специальный отчет № 4». В 1991-м вышла, наконец, книга «Цейлон – рай без ангелов». В 1997 году журналист Яромир Сломек сделал большое интервью с Ганзелкой и Зикмундом, в результате чего появилась на свет книга «Жизнь мечты и реальности». В 2000 году Мирослав Зикмунд вместе с режиссером Петром Горким и Мирославом Наплавой приехали на Шри-Ланку, где вновь прошли маршрутом, проделанным путешественниками почти сорока годами ранее, и встретились с Артуром Кларком. Итогами поездки стали фильм и книга «Слоны живут до ста лет».

Иржи Ганзелка в последние годы жизни тяжело болел. Одиннадцать желтух, тропическая малярия, дизентерия не прошли даром. Он умер 15 февраля 2003 года.

Уже самостоятельно Мирослав Зикмунд посетил еще несколько стран: Австралию, в которую им с Ганзелкой в 1963-м не дали

Мирослав Зикмунд в свои 100 лет

визу, Новую Зеландию, Мальдивы, США, Израиль и вновь Японию. На Тенерифе он встретился с Туром Хейердалом.

«Это интересно, знаешь, я сейчас пишу о Суматре, мы были там в 1962 году, и мне все время кажется, что Юра сидит рядом со мной, мы продолжаем спорить над корректурой, и сотрудничество продолжается. Последняя книга Иржи Ганзелки и Мирослава Зикмунда будет называться «Суматра: ловушка на экваторе»... В дни, когда Иржи не стало, в Злин Мирославу пришлось много сочувственных писем. Вот одно, с неразборчивой подписью. Возможно, от врача больницы, в которой умирал Иржи. «Ваш друг Юрий Ганзелка замечательный. Это было невозможно, но он собрался с последними силами и терпел, и ждал один день – целый день! – чтобы не испортить вам день рождения...» – это фрагмент из беседы Леонида Шинкарева с Мирославом Зикмундом. День его рождения был накануне, 14 февраля...

Книга «Ловушка на экваторе – Таинственная Индонезия I» вышла в 2009 году благодаря усилиям владельца туристического агентства и путешественника Рудольфа Сваржичека. Основой ее стала почти законченная рукопись Ганзелки и Зикмунда о Суматре, которая хранилась в их злинском архиве.

Мирослав Зикмунд получает награду из рук президента Земана

А в 2014 году Петр Горки снял фильм «Столетие Мирослава Зикмунда». В одном из интервью он сказал: «Я знаю, что ему это было очень приятно. Я недавно говорил с господином Зикмундом и с огромным удовольствием читал ему письма от различных кинотеатров, где пишут, что у них распроданы билеты и что зрители досматривают фильм, пока не закончатся титры в конце, а потом аплодируют. Все это очень важно, поскольку тот огромный труд, который проделали Зикмунд и Ганзелка, то, как многим они пожертвовали ради этого, все это уравнивается значимостью этого дела. Это не только путевые заметки, но и пример трудолюбия, честности, умения не стыдиться мечтать».

Вот это сочетание трудолюбия с умением мечтать восхищает меня в Зикмунде.

«...Когда я приеду в Злин к Мирославу осенью 1990 года, мы спустимся в подвальное помещение; там на полках и в ящиках две тысячи перевязанных тесьмой картонных папок с бумагами, собранными за шестьдесят лет путешествий, сто тысяч кино- и фотонегативов, дневниковые записи, которые Мирослав ведет каждый день с 1934 года», – пишет Шинкарев. Их с Зикмундом архив стал основой для постоянной экспозиции «С инженерами Ганзелкой и Зикмундом по пяти континентам», которая находится в Музее Юго-Восточной Моравии в Злине. Экспозиция эта – документ мира, которого во многих местах уже давно не существует. Но это также пример точной регулярной систематической и детальной работы, что невероятно с сегодняшней точки зрения.

Магдалена Прейнингер, долгое время руководившая их музейным фондом, рассказывала: «Представьте, у вас огромное количество переписки, книжный материал, более ста тысяч негативов и полторы сотни фильмов. Есть также частные фото или звукозаписи с радио. А чтобы узнать это, вы должны описать это. И мистер Зикмунд так и сделал».

В 2014 году Мирослав Зикмунд получил звание почетного доктора Злинского университета имени Томаша Бати. 28 октября того же года он был награжден орденом Томаша Гаррига Масарика I степени.

Теперь, с уходом остававшегося до последних дней молодым душой, светлым и энергичным Зикмунда, все это стало историей.

Прекрасной и славной историей. А мы можем еще раз поблагодарить великих чешских путешественников за то, что книги их были для всех, но в первую очередь для тех, кто жил за «железным занавесом», настоящим окном в прекрасный, полный удивительных открытий мир.

Не нужно бояться мечтать. Но к осуществлению своей мечты стоит как следует подготовиться.

